

ГОВАРД ФИЛЛИПС
ЛАВКРАФТ
КОШМАР ПО-ЭТА

Говард Филлипс Лавкрафт

Кошмар По-эта

Серия «Мастера магического реализма (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51882210

Кошмар По-эта: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-120099-2

Аннотация

Говард Филлипс Лавкрафт известен прежде всего своими шедеврами малой прозы – «Зов Ктулху», «Дагон», «Данвичский ужас», «Тень над Иннсмутом», «Затаившийся страх» и многие другие. Но лишь немногие поклонники писателя знают о его поэтическом наследии. А между тем, современники самого Лавкрафта – Роберт Говард, Кларк Эштон Смит и другие – высоко ценили именно поэтическое творчество знаменитого «затворника из Провиденса», сравнивая его стихи с поэзией Эдгара Аллана По.

В сборник вошли наиболее значимые стихи Лавкрафта, включая знаменитый цикл «Грибки с Юггота», относящийся к «Мифам Ктулху», а также те, что публиковались ранее только в письмах.

Для удобства читателя стихи приводятся как в переводе, так и на языке оригинала.

Содержание

Стихотворения	8
I. The Book	8
I. Книга	9
II. Pursuit	10
II. Преследование	11
III. The Key	12
III. Ключ	13
IV. Recognition	14
IV. Осознание	15
V. Homcoming	16
V. Возвращение домой	17
VI. The Lamp	18
VI. Лампа	19
VII. Zaman's Hill	20
VII. Холм Замана	21
VIII. The Port	22
VIII. Порт	23
IX. The Courtyard	24
IX. Внутренний двор	25
X. The Pigeon-Flyers	26
X. Голубиная почта	27
XI. The Well	28
XI. Колодец	29

XII. The Howler	30
XII. Ревун	31
XIII. Hesperia	32
XIII. Гесперия	33
XIV. Star-Winds	34
XIV. Звездные ветры	35
XV. Antarktos	36
XV. Антарктос	37
XVI. The Window	38
XVI. Окно	39
XVII. A Memory	40
XVII. Воспоминание	41
XVIII. The Gardens of Yin	42
XVIII. Сады Йина	43
XIX. The Bells	44
XIX. Колокола	45
XX. Night-Gaunts	46
XX. Ночные мверзи	47
XXI. Nyarlathotep	48
XXI. Ньярлатхотеп	49
XXII. Azathoth	50
XXII. Азатот	51
XXIII. Mirage	52
XXIII. Мираж	53
XXIV. The Canal	54
XXIV. Канал	55

XXV. St. Toad's	56
XXV. Сент-Тоуд	57
XXVI. The Familiars	58
XXVI. Домашние духи	59
XXVII. The Elder Pharos	60
XXVII. Маяк Старшего	61
XXVIII. Expectancy	62
XXVIII. Ожидание	63
XXIX. Nostalgia	64
XXIX. Ностальгия	65
XXX. Background	66
XXX. Истоки	67
XXXI. The Dweller	68
XXXI. Житель	69
XXXII. Alienation	70
XXXII. Отчуждение	71
XXXIII. Harbour Whistles	72
XXXIII. Портовые гудки	73
XXXIV. Recapture	74
XXXIV. Поимка	75
XXXV. Evening Star	76
XXXV. Вечерняя звезда	77
XXXVI. Continuity	78
XXXVI. Непрерывность	79
Ремата Minora, Volume II / Маленькие стихотворения, Том II	80

Ode to Selene or Diana	80
Ода Селене, или Диане	82
To the Old Pagan Religion	83
Древней языческой религии	84
On the Ruin of Rome	85
На развалинах Рима	86
To Pan	87
К Пану	88
On the Vanity of Human Ambition	89
На тщетность человеческих стремлений	90
[To His Mother on Thanksgiving]	91
[Матери на День благодарения]	92
The End of the Jackson War	93
Конец джексоновской войны	94
The Teuton's Battle-Song	95
Тевтонская боевая песнь	98
On Receiving a Picture of Swans	101
На получение открытки с лебедями	102
Temperance Song	103
Песнь трезвости	105
The Poe-et's Nightmare	107
A Fable	107
Небылица	110
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Говард Филлипс Лавкрафт

Кошмар По-эта

Special thanks are due to S.T. Joshi for his permission to use comments for H.P. Lovecraft lyrics, published in this edition.

© Д. Попов, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Стихотворения Fungi from Yuggoth / Грибки с Юггота

I. The Book

The place was dark and dusty and half-lost
In tangles of old alleys near the quays,
Reeking of strange things brought in from the seas,
And with queer curls of fog that west winds tossed.
Small lozenge panes, obscured by smoke and frost,
Just shewed the books, in piles like twisted trees,
Rotting from floor to roof – congeries
Of crumbling elder lore at little cost.

I entered, charmed, and from a cobwebbed heap
Took up the nearest tome and thumbed it through,
Trembling at curious words that seemed to keep
Some secret, monstrous if one only knew.
Then, looking for some seller old in craft,
I could find nothing but a voice that laughed.

I. Книга

Таилась лавка та в местах глухих
Запутанных ветшающих аллей
Близ пирсов в вони тварей из морей,
Стелился где туман в клубах чудных.
За копотью на окнах форм косых
Ряды виднелись шатких штабелей
Из ветхих книг, одна другой гнилей —
Низка была цена за знания в них.

Туда зашел я, чарами пленен,
Взял некий том и стал его листать,
Дрожа над текстом, был где отражен
Секрет – ужасный, доведись его узнать.
Затем искал я продавца книг тех,
Но было пусто, слышался лишь смех.

II. Pursuit

I held the book beneath my coat, at pains
To hide the thing from sight in such a place;
Hurrying through the ancient harbour lanes
With often-turning head and nervous pace.
Dull, furtive windows in old tottering brick
Peered at me oddly as I hastened by,
And thinking what they sheltered, I grew sick
For a redeeming glimpse of clean blue sky.

No one had seen me take the thing – but still
A blank laugh echoed in my whirling head,
And I could guess what nighted worlds of ill
Lurked in that volume I had coveted.
The way grew strange – the walls alike and madding —
And far behind me, unseen feet were padding.

II. Преследование

Держал я книгу под пальто своим,
Сокрыв от тех, кого мог встретить там,
Бежал по переулкам вековым,
Бросая нервно взгляд по сторонам.
Окошки хмурые в чужих домах
Смотрели странно – думая о том,
Что в них таится, чувствовал я страх
С тоской о небе ясном голубом.

От взоров скрытно вещь взята была,
Но смех бесцветный все в ушах звучал,
И понял я, миры какие зла
Хранились в томе, столь что возжелал.
Терялся путь в безумье стен похожих —
И звук шагов за мной страшил до дрожи.

III. The Key

I do not know what windings in the waste
Of those strange sea-lanes brought me home once more,
But on my porch I trembled, white with haste
To get inside and bolt the heavy door.
I had the book that told the hidden way
Across the void and through the space-hung screens
That hold the undimensioned worlds at bay,
And keep lost aeons to their own demesnes.

At last the key was mine to those vague visions
Of sunset spires and twilight woods that brood
Dim in the gulfs beyond this earth's precisions,
Lurking as memories of infinitude.
The key was mine, but as I sat there mumbling,
The attic window shook with a faint fumbling.

III. Ключ

Не знаю, снова как нашел свой дом,
Блуждая среди аллей и пустырей,
Но вот к крыльцу я бросился бегом,
Стремясь внутри укрыться поскорей.
Поведал том о спрятанном пути,
Ведущем сквозь завесы в пустоте,
Миров безмерных держат что бразды
И эоны хранят в своей среде.

Моим был ключ к загадочным виденьям
В закате спиелей, сумрачных лесов,
Что в безднах вопреки всем устроеньям
Висят, как бесконечности сонм снов.
Когда ж шептание мое раздалось,
Окно в мансарде дрожью отозвалось.

IV. Recognition

The day had come again, when as a child
I saw – just once – that hollow of old oaks,
Grey with a ground-mist that enfolds and chokes
The slinking shapes which madness has defiled.
It was the same – an herbage rank and wild
Clings round an altar whose carved sign invokes
That Nameless One to whom a thousand smokes
Rose, aeons gone, from unclean towers up-piled.

I saw the body spread on that dank stone,
And knew those things which feasted were not men;
I knew this strange, grey world was not my own,
But Yuggoth, past the starry voids – and then
The body shrieked at me with a dead cry,
And all too late I knew that it was I!

IV. Осознание

Вновь день пришел, когда я увидел,
Как в детстве раз, низину о дубах,
Где формы задыхаются в клубах
Тумана, где безумье правит бал.
Алтарь как прежде в травах утопал,
И Безымянный призван в письменах —
К нему курений дым, идя в веках,
Взвивался с башен, дух что зла обьял.

Я тело зрел на камне том сыром
И знал, не у людей что был там пир,
Не мой что был тот свет, уныл во всем,
Но Юггот чуждый, в звездной бездне мир.
Вдруг пленник взвыл, увидевши меня,
И поздно мне открылось: то был я!

V. Homecoming

The daemon said that he would take me home
To the pale, shadowy land I half recalled
As a high place of stair and terrace, walled
With marble balustrades that sky-winds comb,
While miles below a maze of dome on dome
And tower on tower beside a sea lies sprawled.
Once more, he told me, I would stand enthralled
On those old heights, and hear the far-off foam.

All this he promised, and through sunset's gate
He swept me, past the lapping lakes of flame,
And red-gold thrones of gods without a name
Who shriek in fear at some impending fate.
Then a black gulf with sea-sounds in the night:
“Here was your home,” he mocked, “when you had sight!”

V. Возвращение домой

Меня домой взять демон был готов,
В край светлый тот, мои что сны хранят:
Террасы ввысь, чей мрамор балюстрад
Расчесывает кудри облаков,
Внизу же лабиринт из куполов
И башен, подле волны где шумят.
Меня, сказал он, чары вновь пленят
Высот, с них буду слушать моря зов.

И чрез закат понес меня с собой —
Над озером, где плещется огонь,
Над тронами могуществ без имен,
Кричат что в страхе пред своей судьбой.
Затем – шум моря в бездне черноты:
«Был здесь твой дом, – бес хмыкнул, – зрел что ты!»

VI. The Lamp

We found the lamp inside those hollow cliffs
Whose chiseled sign no priest in Thebes could read,
And from whose caverns frightened hieroglyphs
Warned every living creature of earth's breed.
No more was there – just that one brazen bowl
With traces of a curious oil within;
Fretted with some obscurely patterned scroll,
And symbols hinting vaguely of strange sin.

Little the fears of forty centuries meant
To us as we bore off our slender spoil,
And when we scanned it in our darkened tent
We struck a match to test the ancient oil.
It blazed – great God!.. But the vast shapes we saw
In that mad flash have seared our lives with awe.

VI. Лампа

Попалась лампа нам в пещерах скал,
Жрецы из Фив чей символ не прочли,
Где текст из иероглифов пугал
Всех тварей существующих Земли.
Из меди чаша эта лишь нашлась
С остатком масла странного на дне;
Узором жутким череда вилась
Порочных знаков и письмён по ней.

Не вняв боязням сорока веков,
Мы прихватили скудный наш трофей,
И в ночь, вернувшись под палатки кров,
Поджечь решили масло в озорстве.
Как вспыхнуло!.. Но жуть огонь явил,
Чей вид нам страхом души иссушил.

VII. Zaman's Hill

The great hill hung close over the old town,
A precipice against the main street's end;
Green, tall, and wooded, looking darkly down
Upon the steeple at the highway bend.
Two hundred years the whispers had been heard
About what happened on the man-shunned slope —
Tales of an oddly mangled deer or bird,
Or of lost boys whose kin had ceased to hope.

One day the mail-man found no village there,
Nor were its folk or houses seen again;
People came out from Aylesbury to stare —
Yet they all told the mail-man it was plain
That he was mad for saying he had spied
The great hill's gluttonous eyes, and jaws stretched wide.

VII. Холм Замана

Над градом холм огромный нависал
Обрывом против улицы конца;
Высокий и зеленый, он взирал
На колокольню с видом гордеца.
Два века уж шептались о делах
На склоне, ужас брал ходить куда —
Об изувеченных зверей телах,
О мальчиках, пропавших без следа.

Раз почтальон села там не нашел,
Исчезли напрочь жители, дома;
Из Эйлсбери проверить люд пошел:
Видать, лишился тот почтарь ума,
Коль видел он, раскрыл как холм свой зев,
Глазами жадными при том смотрев.

VIII. The Port

Ten miles from Arkham I had struck the trail
That rides the cliff-edge over Boynton Beach,
And hoped that just at sunset I could reach
The crest that looks on Innsmouth in the vale.
Far out at sea was a retreating sail,
White as hard years of ancient winds could bleach,
But evil with some portent beyond speech,
So that I did not wave my hand or hail.

Sails out of Innsmouth! echoing old renown
Of long-dead times. But now a too-swift night
Is closing in, and I have reached the height
Whence I so often scan the distant town.
The spires and roofs are there – but look! The gloom
Sinks on dark lanes, as lightless as the tomb!

VIII. Порт

От Аркхэма я десять миль шагал
Над Бойнтон-Бич вдоль пропастей краев,
И думал быть к закату у холмов,
Внизу в долине Иннсмут где лежал.
Там парус в даль морскую уплывал,
Лишенный цвета натиском ветров,
Зловещ предвестьем, коему нет слов —
Рукой ему я вслед не помахал.

За Иннсмут курс! – звучат лишь эхом дни
Великих дел. Но близок час ночной,
Маячит уж вершина предо мной,
Откуда города черты видны.
Вот шпили, крыши – но взгляни! Все мрак
Покрыл – могилы лишь чернеют так!

IX. The Courtyard

It was the city I had known before;
The ancient, leprous town where mongrel throngs
Chant to strange gods, and beat unhallowed gongs
In crypts beneath foul alleys near the shore.
The rotting, fish-eyed houses leered at me
From where they leaned, drunk and half-animate,
As edging through the filth I passed the gate
To the black courtyard where the man would be.

The dark walls closed me in, and loud I cursed
That ever I had come to such a den,
When suddenly a score of windows burst
Into wild light, and swarmed with dancing men:
Mad, soundless revels of the dragging dead —
And not a corpse had either hands or head!

IX. Внутренний двор

Тот старый град мне прежде был знаком;
Стан лепры, где чужим богам хвальбы
Под гонг звучат от метисов толпы
Из склепов тайных на берегу морском.
Взгляд окон блеклых полон был вражды
В домах, где жили пьянь да нищета,
Пока я шел по грязи чрез врата
Во двор, чтоб человека там найти.

Нависли стены хмурые вокруг,
И проклял я, пришел что в сей притон,
Когда зажглись десятки окон вдруг,
Явив безумно пляшущих персон:
Безмолвная пирушка мертвецов —
И были все без рук и без голов!

X. The Pigeon-Flyers

They took me slumming, where gaunt walls of brick
Bulge outward with a viscous stored-up evil,
And twisted faces, thronging foul and thick,
Wink messages to alien god and devil.
A million fires were blazing in the streets,
And from flat roofs a furtive few would fly
Bedraggled birds into the yawning sky
While hidden drums droned on with measured beats.

I knew those fires were brewing monstrous things,
And that those birds of space had been Outside —
I guessed to what dark planet's crypts they plied,
And what they brought from Thog beneath their wings.
The others laughed – till struck too mute to speak
By what they glimpsed in one bird's evil beak.

Х. Голубиная почта

Меня в трущобы взяли, стены где
Вздувает затаенный вязкий срам,
И лица в скверне и нечистоте
Подмигивают чуждым божествам.
Сверкали тысячи костров вокруг,
А с плоских крыш в зияющую высь
Пускали птиц, замызганных как крыс,
Под барабанов скрытых мерный стук.

Я знал, что жуть варилась на кострах,
Что были птицы космоса Вовне —
Гадал о целях их межзвездного турне,
О том, несли что с Тога на крылах.
Смеялись все – но замерли столбом,
Увидев нечто в птичьем клюве злом.

XI. The Well

Farmer Seth Atwood was past eighty when
He tried to sink that deep well by his door,
With only Eb to help him bore and bore.
We laughed, and hoped he'd soon be sane again.
And yet, instead, young Eb went crazy, too,
So that they shipped him to the county farm.
Seth bricked the well-mouth up as tight as glue —
Then hacked an artery in his gnarled left arm.

After the funeral we felt bound to get
Out to that well and rip the bricks away,
But all we saw were iron hand-holds set
Down a black hole deeper than we could say.
And yet we put the bricks back – for we found
The hole too deep for any line to sound.

XI. Колодец

Сет Этвуд прожил восемьдесят лет,
Когда решил колодец углубить,
И помогал ему лишь Эб бурить,
А мы смеялись – вот рехнулся дед!
Тут юный Эб вдруг тронулся умом —
Беднягу посадили под замок.
Колодец Сет заделал кирпичом
И на руке артерию рассек.

Мы с похорон пошли на Сета двор,
С того колодца кирпичи чтоб снять,
В нем оказался ряд ручных опор,
Как глубоко спускались – не видать.
Но кладка вновь была возвращена:
Ничем мы не смогли достать до дна.

XII. The Howler

They told me not to take the Briggs' Hill path
That used to be the highroad through to Zoar,
For Goody Watkins, hanged in seventeen-four,
Had left a certain monstrous aftermath.
Yet when I disobeyed, and had in view
The vine-hung cottage by the great rock slope,
I could not think of elms or hempen rope,
But wondered why the house still seemed so new.

Stopping a while to watch the fading day,
I heard faint howls, as from a room upstairs,
When through the ivied panes one sunset ray
Struck in, and caught the howler unawares.
I glimpsed – and ran in frenzy from the place,
And from a four-pawed thing with human face.

ХII. Ревун

Чрез Бриггс-Хилл в Зор совет был не идти:
«Святой» Уоткинс, хоть давно уж мертвый —
Повешен в тысяча семьсот четвертый —
Оставил страшное на том пути.
Но я пошел, когда же дома кров
В плюще возник из-под скалы крутой,
Не вспомнил даже о веревке той,
А поразился: дом стоял как нов.

Взирая на заката красоту,
Я слабый рев услышал из окна;
Вдруг луч пронзил покоев темноту
И высветил обличье ревуна.
Помчался как безумный я бегом
От твари с лапами, людским лицом.

XIII. Hesperia

The winter sunset, flaming beyond spires
And chimneys half-detached from this dull sphere,
Opens great gates to some forgotten year
Of elder splendours and divine desires.
Expectant wonders burn in those rich fires,
Adventure-fraught, and not untinged with fear;
A row of sphinxes where the way leads clear
Toward walls and turrets quivering to far lyres.

It is the land where beauty's meaning flowers;
Where every unplaced memory has a source;
Where the great river Time begins its course
Down the vast void in starlit streams of hours.
Dreams bring us close – but ancient lore repeats
That human tread has never soiled these streets.

XIII. Гесперия

Зимой в унылых небесах закат
Над градом, чьи черты едва видны,
Уводит в позабытые уж дни
Величия и неземных отрад.
В огнях тех ярких чудеса горят,
Дерзки, но ужасом омрачены;
Ряд сфинксов, где дорога до стены
И башен, что от дальних лир дрожат.

То край, где значит красота цветенье,
Воспоминаний где все очаги,
Где происходит Времени-реки
Часов потоком в пустоту паденье.
Туда нас сны ведут – но никогда
Людьми не осквернялись те места.

XIV. Star-Winds

It is a certain hour of twilight glooms,
Mostly in autumn, when the star-wind pours
Down hilltop streets, deserted out-of-doors,
But shewing early lamplight from snug rooms.
The dead leaves rush in strange, fantastic twists,
And chimney-smoke whirls round with alien grace,
Heeding geometries of outer space,
While Fomalhaut peers in through southward mists.

This is the hour when moonstruck poets know
What fungi sprout in Yuggoth, and what scents
And tints of flowers fill Nithon's continents,
Such as in no poor earthly garden blow.
Yet for each dream these winds to us convey,
A dozen more of ours they sweep away!

XIV. Звездные ветры

Есть некий час осенней темноты,
Когда нисходит звездный ветер вдруг
На улицы, умолк шагов где звук,
Но льют из окон свет домов ряды.
Рой мертвых листьев сказочно кружит,
И с чуждой грацией клубится дым,
Законам подчиняясь неземным,
А сквозь туманы Фомальгаут зрит.

Поэт безумный узнаёт в сей час,
Растут на Югготе что за грибки,
Как пахнут Найтона земель цветки,
Что в скудных не сыскать садах у нас.
Но ветры те за принесенный сон
Десяток наших грез берут в полон!

XV. Antarktos

Deep in my dream the great bird whispered queerly
Of the black cone amid the polar waste;
Pushing above the ice-sheet lone and drearily,
By storm-crazed aeons battered and defaced.
Hither no living earth-shapes take their courses,
And only pale auroras and faint suns
Glow on that pitted rock, whose primal sources
Are guessed at dimly by the Elder Ones.

If men should glimpse it, they would merely wonder
What tricky mound of Nature's build they spied;
But the bird told of vaster parts, that under
The mile-deep ice-shroud crouch and brood and bide.
God help the dreamer whose mad visions shew
Those dead eyes set in crystal gulfs below!

XV. Антарктос

Шептала птица мне из сна пучины
О пике черном, что навис с тоской
Над льдом полярной мертвенной пустыни,
Истертый вечность длящейся пургой.
Отсюда жизнь гонима словно мором,
Лишь солнца да сияний южных свет
Подсвечивает в шрамах пик, в котором
Творенья Старших виден смутный след.

Узрят коль люди, скажут в удивленье:
Чудной Природа создала курган,
Но клюв вещал: в ледовом погребенье
Покоится и ждет громадный стан.
Не дай вам бог узреть во сне хоть раз
В хрустальной бездне вид тех мертвых глаз!

XVI. The Window

The house was old, with tangled wings outthrown,
Of which no one could ever half keep track,
And in a small room somewhat near the back
Was an odd window sealed with ancient stone.
There, in a dream-plagued childhood, quite alone
I used to go, where night reigned vague and black;
Parting the cobwebs with a curious lack
Of fear, and with a wonder each time grown.

One later day I brought the masons there
To find what view my dim forbears had shunned,
But as they pierced the stone, a rush of air
Burst from the alien voids that yawned beyond.
They fled – but I peered through and found unrolled
All the wild worlds of which my dreams had told.

XVI. Окно

В пристроек путанице дом стоял,
Где заплутать любой мог среди ходов,
И было в комнатке вблизи задов
Окно, что камень древний закрывал.
Я в детстве, в коем столько снов видал,
Ходил туда, под ночи черной кров,
Срывая смело сети пауков,
И удивляться не переставал.

Привел рабочих я во тьмы чертог
Узнать, страшило предков что в окне;
Пробили камень – воздуха поток
Вдруг хлынул из иных пустот вовне.
И стали мне оттоль миры видны,
Давно о коих рассказали сны.

XVII. A Memory

There were great steppes, and rocky table-lands
Stretching half-limitless in starlit night,
With alien campfires shedding feeble light
On beasts with tinkling bells, in shaggy bands.
Far to the south the plain sloped low and wide
To a dark zigzag line of wall that lay
Like a huge python of some primal day
Which endless time had chilled and petrified.

I shivered oddly in the cold, thin air,
And wondered where I was and how I came,
When a cloaked form against a campfire's glare
Rose and approached, and called me by my name.
Staring at that dead face beneath the hood,
I ceased to hope – because I understood.

XVII. Воспоминание

Объял высокий звездный небосклон
Степей и взгорий беспредельный край,
В кочевьях освещал огонь костра
Мохнатый скот под бубенцов трезвон.
Спускался вдаль на юг широкий дол
До темной и извилистой стены,
Питону первобытному сродни,
За вечность форму камня что обрел.

На холоде пробрала дрожь меня:
Но где я? Как же я сюда попал?
Поднялся некто в зареве огня
И громко имя вдруг мое назвал.
Вглядевшись в труппа жуткий силуэт,
Лишился я надежд, узнав ответ.

XVIII. The Gardens of Yin

Beyond that wall, whose ancient masonry
Reached almost to the sky in moss-thick towers,
There would be terraced gardens, rich with flowers,
And flutter of bird and butterfly and bee.
There would be walks, and bridges arching over
Warm lotos-pools reflecting temple eaves,
And cherry-trees with delicate boughs and leaves
Against a pink sky where the herons hover.

All would be there, for had not old dreams flung
Open the gate to that stone-lanterned maze
Where drowsy streams spin out their winding ways,
Trailed by green vines from bending branches hung?
I hurried – but when the wall rose, grim and great,
I found there was no longer any gate.

XVIII. Сады Йина

За той стеной, что небеса почти
Достала древней кладкой башен мшистых,
Полны порханья да цветов душистых,
Раскинулись висячие сады.
Дорожки и мосты там над каналом,
Где отражается чудесный храм,
И льнут на вишнях лепестки к ветвям,
И цапли реют в поднебесье алом.

Я б всё увидел – ведь распахнули сны
Врата в тот парк светильников-камней,
Ручьи где выются тихо среди теней
От лоз, что густо переплетены!
Когда ж предстал пред мной стены оплот —
Увы! – в ней больше не было ворот.

XIX. The Bells

Year after year I heard that faint, far ringing
Of deep-toned bells on the black midnight wind;
Peals from no steeple I could ever find,
But strange, as if across some great void winging.
I searched my dreams and memories for a clue,
And thought of all the chimes my visions carried;
Of quiet Innsmouth, where the white gulls tarried
Around an ancient spire that once I knew.

Always perplexed I heard those far notes falling,
Till one March night the bleak rain splashing cold
Beckoned me back through gateways of recalling
To elder towers where the mad clappers tolled.
They tolled – but from the sunless tides that pour
Through sunken valleys on the sea's dead floor.

XIX. Колокола

Годами слышал гулкий звон далекий
Я в ветре полуночной черноты,
Не с колокольни, что встречал в пути,
Но чуждый, как из бездны преглубокой.
Ответ я в снах и в памяти искал,
Представил звоны каждого виденья
И Иннсмут, чайки в белом оперенье
Где вились подле шпиля, кой я знал.

Так и дивился я б далеким нотам,
Но хладный дождь раз в мартовскую ночь
Меня направил к памяти воротам
И к башням, что звонили во всю мочь —
Но от течений, мчавших в глубине
Через затонувший дол на мертвом дне.

XX. Night-Gaunts

Out of what crypt they crawl, I cannot tell,
But every night I see the rubbery things,
Black, horned, and slender, with membraneous wings,
And tails that bear the bifid barb of hell.
They come in legions on the north wind's swell,
With obscene clutch that titillates and stings,
Snatching me off on monstrous voyagings
To grey worlds hidden deep in nightmare's well.

Over the jagged peaks of Thok they sweep,
Heedless of all the cries I try to make,
And down the nether pits to that foul lake
Where the puffed shoggoths splash in doubtful sleep.
But oh! If only they would make some sound,
Or wear a face where faces should be found!

XX. Ночные мверзи

Обитель их под гробовой плитой —
Ночами вижу тварей о рогах,
Худых, крылатых, черных, о хвостах
С двойной колючкой, злобой налитой.
Они с бореем предстают ордой
И, грубо сжав меня в своих когтях,
Несут к мирам в безрадостных цветах,
В колодце страха скрытым чернотой.

Над гребнем Тока мчатся в вышине,
К моим мольбам глухи, и в самый ад,
До озера, что источает смрад,
Где брызжут шогготы в притворном сне.
О, если б издавали звук они,
И лик несли, где лица быть должны!

XXI. Nyarlathotep

And at the last from inner Egypt came
The strange dark One to whom the fellahs bowed;
Silent and lean and cryptically proud,
And wrapped in fabrics red as sunset flame.
Throngs pressed around, frantic for his commands,
But leaving, could not tell what they had heard;
While through the nations spread the awestruck word
That wild beasts followed him and licked his hands.

Soon from the sea a noxious birth began;
Forgotten lands with weedy spires of gold;
The ground was cleft, and mad auroras rolled
Down on the quaking citadels of man.
Then, crushing what he chanced to mould in play,
The idiot Chaos blew Earth's dust away.

XXI. Ньярлатхотеп

И вот явился из Египта он —
Царь Темный, кланялся кому феллах;
Надменен, худощав и скуп в речах,
В шелка заката цвета облачен.
Что б ни сказал он – верил люд всему,
Но повторить не мог его слова,
А по народам разнеслась молва,
Что лижут руки хищники ему.

Отрава вышла из морских глубин —
Держав забытых шпилей силуэт;
Мир треснул, и безумных вспышек свет
Растекся среди расколотых домин.
Затем, своих забав стирая плод,
Развеял Землю Хаос-идиот.

XXII. Azathoth

Out in the mindless void the daemon bore me,
Past the bright clusters of dimensioned space,
Till neither time nor matter stretched before me,
But only Chaos, without form or place.
Here the vast Lord of All in darkness muttered
Things he had dreamed but could not understand,
While near him shapeless bat-things flopped and fluttered
In idiot vortices that ray-streams fanned.

They danced insanely to the high, thin whining
Of a cracked flute clutched in a monstrous paw,
Whence flow the aimless waves whose chance combining
Gives each frail cosmos its eternal law.
“I am His Messenger,” the daemon said,
As in contempt he struck his Master’s head.

XXII. Азатот

Меня доставил бес в пустые дали
За все известные скопления звезд,
Где время и материя пропали,
Был Хаос лишь, сумбурный зла форпост.
Шептал там в мраке Властелин громадный
О снах своих, осмыслить что не мог,
Вкруг вились твари внешности нескладной
В воронках, что раздул лучей поток.

Они плясали дико под скуленье
Безумной флейты в мерзостных когтях,
Чьих волн бесцельных глупое смешенье
Закон привносит во вселенных прах.
«Посланник я Его», – мне бес сказал
И тумака Владыке грубо дал.

XXIII. Mirage

I do not know if ever it existed —
That lost world floating dimly on Time's stream —
And yet I see it often, violet-misted,
And shimmering at the back of some vague dream.
There were strange towers and curious lapping rivers,
Labyrinths of wonder, and low vaults of light,
And bough-crossed skies of flame, like that which quivers
Wistfully just before a winter's night.

Great moors led off to sedgy shores unpeopled,
Where vast birds wheeled, while on a windswept hill
There was a village, ancient and white-steepled,
With evening chimes for which I listen still.
I do not know what land it is – or dare
Ask when or why I was, or will be, there.

XXIII. Мираж

А был ли он, я спрашиваю снова —
Забывтый мир, чрез Время что плывет —
Но часто зрю его во мгѣ лиловой,
Сна смутного мерцающий налет.
Там были башни, с плеском странным реки,
Диковин лабиринт, простор небес
И та заря, что будит в человеке
По вечерам желание чудес.

Безлюдный брег, осокой обрамлен,
Где вились птицы, а над ним
Деревня с колокольнею, чей звон
Вечерний памятью моею храним.
Не знаю, что за край – спросить боюсь,
Когда там был, иль только окажется.

XXIV. The Canal

Somewhere in dream there is an evil place
Where tall, deserted buildings crowd along
A deep, black, narrow channel, reeking strong
Of frightful things whence oily currents race.
Lanes with old walls half meeting overhead
Wind off to streets one may or may not know,
And feeble moonlight sheds a spectral glow
Over long rows of windows, dark and dead.

There are no footfalls, and the one soft sound
Is of the oily water as it glides
Under stone bridges, and along the sides
Of its deep flume, to some vague ocean bound.
None lives to tell when that stream washed away
Its dream-lost region from the world of clay.

XXIV. Канал

Есть место жуткое в неясном сне,
Там окружают без жильцов дома
Канал дурной, смердящий как чума
От мерзости какой-то в глубине.
Там переулки, сузившись в верхах,
До улиц выются, что на картах нет,
Луна роняет призрачный свой свет
На окна мертвые в косых рядах.

Шагов не слышно там, звучит лишь плеск
Скользящих черных маслянистых вод —
Течение под мостами их несет
До океана, зрим вдали чей блеск.
Неведомо, когда унес поток
Из яви сей заблудший в снах мирок.

XXV. St. Toad's

“Beware St. Toad's cracked chimes!” I heard him scream
As I plunged into those mad lanes that wind
In labyrinths obscure and undefined
South of the river where old centuries dream.
He was a furtive figure, bent and ragged,
And in a flash had staggered out of sight,
So still I burrowed onward in the night
Toward where more roof-lines rose, malign and jagged.

No guide-book told of what was lurking here —
But now I heard another old man shriek:
“Beware St. Toad's cracked chimes!” And growing weak,
I paused, when a third greybeard croaked in fear:
“Beware St. Toad's cracked chimes!” Aghast, I fled —
Till suddenly that black spire loomed ahead.

XXV. Сент-Тоуд

«Эй, берегись, Сент-Тоуд там звонит!» —
Он крикнул, лишь нырнул я второпях
В безумных улиц лабиринт впотьмах
Реки южней, где древность в грезах спит.
То был старик согбенный, в рвань одетый,
В мгновенье скрылся он из виду прочь,
И я продолжил погружаться в ночь
Туда, где крыши зубьями воздеты.

В чем ужас здесь, не сказано нигде —
Но снова я услышал жуткий зов:
«Беги от треснувших колоколов!»
И третий старец каркнул о беде:
«Сент-тоудского звона берегись!»
Я побежал – и шпиль злой взнесся ввысь.

XXVI. The Familiars

John Whateley lived about a mile from town,
Up where the hills begin to huddle thick;
We never thought his wits were very quick,
Seeing the way he let his farm run down.
He used to waste his time on some queer books
He'd found around the attic of his place,
Till funny lines got creased into his face,
And folks all said they didn't like his looks.

When he began those night-howls we declared
He'd better be locked up away from harm,
So three men from the Aylesbury town farm
Went for him – but came back alone and scared.
They'd found him talking to two crouching things
That at their step flew off on great black wings.

XXVI. Домашние духи

От града в миле Джон Уэйтли жил,
Где начинают кучиться холмы;
Его сметливым не считали мы,
Поскольку в прах он ферму разорил.
Бывало, сутками так и сидит
За найденной в мансарде стопкой книг —
В итоге сморщился забавно лик,
И всех людей пугать его стал вид.

Когда ж он начал выть, решил наш сход
Его упечь в психушку, потому
Явились трое эйлсберских к нему,
Вот только дали деру от ворот:
Беседовал он с тварями двумя,
Умчали кои крыльями шумя.

XXVII. The Elder Pharos

From Leng, where rocky peaks climb bleak and bare
Under cold stars obscure to human sight,
There shoots at dusk a single beam of light
Whose far blue rays make shepherds whine in prayer.
They say (though none has been there) that it comes
Out of a pharos in a tower of stone,
Where the last Elder One lives on alone,
Talking to Chaos with the beat of drums.

The Thing, they whisper, wears a silken mask
Of yellow, whose queer folds appear to hide
A face not of this earth, though none dares ask
Just what those features are, which bulge inside.
Many, in man's first youth, sought out that glow,
But what they found, no one will ever know.

XXVII. Маяк Старшего

От Ленга, где вершины взметены
До хладных звезд, невидных никому,
Несется света луч сквозь полутьму,
Чей блеск мольбой встречают чабаны.
По их рассказам (не были хоть там),
Из маяка на башне он идет,
Последний Старший где один живет,
Стуча посланья Хаосу в тамтам.

Из жёлта шелка маска Существа,
И складки странные на ней таят
Лик неземной, но спросит кто едва,
Что у него за выдавленный склад.
Искали многие маячный свет,
Но что нашли – не даст никто ответ.

XXVIII. Expectancy

I cannot tell why some things hold for me
A sense of unplumbed marvels to befall,
Or of a rift in the horizon's wall
Opening to worlds where only gods can be.
There is a breathless, vague expectancy,
As of vast ancient pomps I half recall,
Or wild adventures, uncorporeal,
Ecstasy-fraught, and as a day-dream free.

It is in sunsets and strange city spires,
Old villages and woods and misty downs,
South winds, the sea, low hills, and lighted towns,
Old gardens, half-heard songs, and the moon's fires.
But though its lure alone makes life worth living,
None gains or guesses what it hints at giving.

XXVIII. Ожидание

Способны вещи некие внушить
Мне чувство, будто грянут чудеса,
Иль что разверзнутся вдруг небеса,
Открыв миры, где боги могут быть.
Есть ожиданье, враз не объяснить —
Как пышности, в былом что ныне вся,
Иль приключений, в коих грез краса,
А дух в восторге мчится во всю пруть.

Оно в закатах, в шпилях городов,
В селеньях старых, в рощах и холмах,
Во мглистых дюнах, в городских огнях,
В негромких песнях, в магии садов.
И хоть за лишь один соблазн жить стоит,
Не алчут знать, намек его что кроет.

XXIX. Nostalgia

Once every year, in autumn's wistful glow,
The birds fly out over an ocean waste,
Calling and chattering in a joyous haste
To reach some land their inner memories know.
Great terraced gardens where bright blossoms blow,
And lines of mangoes luscious to the taste,
And temple-groves with branches interlaced
Over cool paths – all these their vague dreams shew.

They search the sea for marks of their old shore —
For the tall city, white and turreted —
But only empty waters stretch ahead,
So that at last they turn away once more.
Yet sunken deep where alien polyps throng,
The old towers miss their lost, remembered song.

XXIX. Ностальгия

Раз в год, в печальных осени огнях,
За океаны стаи птиц летят,
В счастливой спешке щебеча вразлад,
Чтоб оказаться в памятных краях.
Висячие сады в чудных цветах,
И манго сладкие, за рядом ряд,
И в рощах храмов ветви шелестят
Над тропками – все это видят в снах.

В полете ищут линии берегов
Да в шпилях града белого черты —
Но лишь пустые воды впереди,
Так что меняют курс они свой вновь.
А средь полипов в глубине морской
Ждут песнь их башни древние с тоской.

XXX. Background

I never can be tied to raw, new things,
For I first saw the light in an old town,
Where from my window huddled roofs sloped down
To a quaint harbour rich with visionings.
Streets with carved doorways where the sunset beams
Flooded old fanlights and small window-panes,
And Georgian steeples topped with gilded vanes —
These were the sights that shaped my childhood dreams.

Such treasures, left from times of cautious leaven,
Cannot but loose the hold of flimsier wraiths
That flit with shifting ways and muddled faiths
Across the changeless walls of earth and heaven.
They cut the moment's thongs and leave me free
To stand alone before eternity.

XXX. Истоки

Не надо нового мне барахла —
Ведь свет сперва явил мне старый град,
От моего окна где крыш каскад
Спускался в гавань – видам нет числа.
И улицы, заката где лучи
Оконца красили дверей резных,
И шпили с блеском флюгеров золотых —
Все это в детстве снилось мне в ночи.

Сей клад из сдержанной закваски лет
Тех призраков докучных гонит вон,
Снуют что с чепухой со всех сторон
Меж неба и земли бессменных сред.
Они мгновенья путы рвут на мне —
И вот я с вечностью наедине.

XXXI. The Dweller

It had been old when Babylon was new;
None knows how long it slept beneath that mound,
Where in the end our questing shovels found
Its granite blocks and brought it back to view.
There were vast pavements and foundation-walls,
And crumbling slabs and statues, carved to shew
Fantastic beings of some long ago
Past anything the world of man recalls.

And then we saw those stone steps leading down
Through a choked gate of graven dolomite
To some black haven of eternal night
Where elder signs and primal secrets frown.
We cleared a path – but raced in mad retreat
When from below we heard those clumping feet.

XXXI. Житель

Он стар был, Вавилон когда был нов;
То тайна, сколько спал он под холмом,
Его гранит где мы с большим трудом
Отрыли и явили миру вновь.
Там были основанья крепостей
И статуи, в которых отражен
Вид фантастических существ времен,
Что не остались в памяти людей.

А после мы нашли ступеней ряд,
Вниз ведших чрез фигурные врата
В покои, в коих ночь царит всегда,
И Знаки Старших холодно глядят.
Мы внутрь вошли, и ужас нас объял:
Там в недрах кто-то тяжело ступал.

XXXII. Alienation

His solid flesh had never been away,
For each dawn found him in his usual place,
But every night his spirit loved to race
Through gulfs and worlds remote from common day.
He had seen Yaddith, yet retained his mind,
And come back safely from the Ghooric zone,
When one still night across curved space was thrown
That beckoning piping from the voids behind.

He waked that morning as an older man,
And nothing since has looked the same to him.
Objects around float nebulous and dim —
False, phantom trifles of some vaster plan.
His folk and friends are now an alien throng
To which he struggles vainly to belong.

XXXII. Отчуждение

Не уходил он плотью никогда,
Рассвет его в постели заставал,
Но еженощно дух его летал
К мирам, где нет земного ни следа.
Он Йаддит зрел, не тронувшись умом,
И в Гурской области не встретил смерть,
Вдруг флейты зов вселенной круговерть
Пронзил из бездн в безмолвии ночном.

Он будто постарел с тех самых пор,
И видится ему весь мир иным.
Вокруг предметы плавают, что дым —
Лишь плана большего фантомный вздор.
Семья, друзья ему теперь чужды,
Не может быть он частью их среды.

XXXIII. Harbour Whistles

Over old roofs and past decaying spires
The harbour whistles chant all through the night;
Throats from strange ports, and beaches far and white,
And fabulous oceans, ranged in motley choirs.
Each to the other alien and unknown,
Yet all, by some obscurely focussed force
From brooding gulfs beyond the Zodiac's course,
Fused into one mysterious cosmic drone.

Through shadowy dreams they send a marching line
Of still more shadowy shapes and hints and views;
Echoes from outer voids, and subtle clues
To things which they themselves cannot define.
And always in that chorus, faintly blent,
We catch some notes no earth-ship ever sent.

XXXIII. Портовые гудки

Над крышами, одна другой старей,
Всю ночь звучит из порта песнь гудков;
В том хоре голоса седых берегов,
Чужих причалов, сказочных морей.
Хоть каждый с остальными незнаком,
Но под влияньем наведенных сил
Из хмурых бездн, что Зодиак сокрыл,
Слились все в гуле космоса одном.

Туманом снов они пускают строй
Неясных форм, намеков и картин,
Отзвучий пустоты вовне, причин
Вещей, самим что не постичь порой.
И в этом хоре слышим мы всегда
Те звуки, что не шлют с Земли суда.

XXXIV. Recapture

The way led down a dark, half-wooded heath
Where moss-grey boulders humped above the mould,
And curious drops, disquieting and cold,
Sprayed up from unseen streams in gulfs beneath.
There was no wind, nor any trace of sound
In puzzling shrub, or alien-featured tree,
Nor any view before – till suddenly,
Straight in my path, I saw a monstrous mound.

Half to the sky those steep sides loomed upspread,
Rank-grassed, and cluttered by a crumbling flight
Of lava stairs that scaled the fear-topped height
In steps too vast for any human tread.
I shrieked – and knew what primal star and year
Had sucked me back from man's dream-transient sphere!

XXXIV. Поимка

По мрачной пустоши тропа вела,
Где в сером мху лежали валуны,
И брызги, столь тревожны, холодны,
Из вод взметались, бездна что гнала.
Стих ветер, не доносился больше звук
От древа чуждой формы и кустов,
И тут, пейзаж пустынный расколов,
Пред мной поднялся холм огромный вдруг.

Взнеслись те склоны круто к небесам,
По ним ступень обломки среди травы
Взбирались до пугающей главы,
Размером не под стать людским шагам.
Узнал я в страхе год и свет звезды,
Меня вернувшие с земной тщеты!

XXXV. Evening Star

I saw it from that hidden, silent place
Where the old wood half shuts the meadow in.
It shone through all the sunset's glories – thin
At first, but with a slowly brightening face.
Night came, and that lone beacon, amber-hued,
Beat on my sight as never it did of old;
The evening star – but grown a thousandfold
More haunting in this hush and solitude.

It traced strange pictures on the quivering air —
Half-memories that had always filled my eyes —
Vast towers and gardens; curious seas and skies
Of some dim life – I never could tell where.
But now I knew that through the cosmic dome
Those rays were calling from my far, lost home.

XXXV. Вечерняя звезда

Я в тайном месте на нее взирал,
Где луг укрылся в вековом лесу.
Она сверкала сквозь зари красу,
Когда всю силу блеск ее набрал.
В ночи маяк сей цвета янтаря
Как никогда в былом меня потряс;
Всех звезд светил он ярче в сотню раз,
В тиши сильнее за душу беря.

Являлись в воздухе картины те,
Стояли что всегда в моих глазах —
Сады и башни, дива в небесах
Неясной жизни – я не ведал, где.
Но вдруг я понял: через звездный свод
В лучах тех дом забытый весть мне шлет.

XXXVI. Continuity

There is in certain ancient things a trace
Of some dim essence – more than form or weight;
A tenuous aether, indeterminate,
Yet linked with all the laws of time and space.
A faint, veiled sign of continuities
That outward eyes can never quite descry;
Of locked dimensions harbouring years gone by,
And out of reach except for hidden keys.

It moves me most when slanting sunbeams glow
On old farm buildings set against a hill,
And paint with life the shapes which linger still
From centuries less a dream than this we know.
In that strange light I feel I am not far
From the fixt mass whose sides the ages are.

XXXVI. Непрерывность

В вещах старинных след порой явлен
Неясной сути – более, чем вес;
Эфир тончайший, словно из небес,
Но с временем, пространством связан он.
Знак непрерывности столь тускл, размыт,
Что весь не обнаружить никогда;
В нем заперты минувшие года,
Ключом лишь тайным может быть открыт.

Он трогает меня, когда закат
Пылает в старых фермах под холмом
И образы живит, что меньшим сном,
Чем видно нам, эпох ярмо влечат.
Я верю в странном свете том: близка
Ко мне твердыня, грани чьи века.

Роеmata Minora, Volume II / Маленькие стихотворения, Том II

*To The Gods, Heroes, & Ideals Of The ANCIENTS
This Volume is Affectionately DEDICATED By A
GREAT ADMIRER.*

*I submit to the publik these idle lines, hoping they will
please. They form a sort of series, with my Odyssey, Iliad,
Aeneid, and the like.*

*Данный том с любовью ПОСВЯЩАЕТСЯ
ЯРЫМ ПОКЛОННИКОМ Богам, Героям и Идеалам
ДРЕВНИХ*

*Представляю публике сии праздные строки с
надеждой, что они ей понравятся. Вместе с моими
«Одиссеей», «Илиадой», «Энеидой» и прочими они
образуют что-то вроде цикла.*

Ode to Selene or Diana

Immortal Moon, in maiden splendour shine.
Dispense thy beams, divine *Latona's* child.
Thy silver rays all grosser things define,

And hide harsh truth in sweet illusion mild.

In thy soft light, the city of unrest
That stands so squalid in thy brother's glare
Throws off its habit, and in silence blest
Becomes a vision, sparkling bright and fair.

The modern world, with all its care & pain,
The smoky streets, the hideous clanging mills,
Face 'neath thy beams, *Selene*, and again
We dream as shepherds on *Chaldæa's* hills.

Take heed, *Diana*, of my humble plea.
Convey me where my happiness may last —
Draw me against the tide of time's rough sea,
And let my spirit rest amid the past.

Ода Селене, или Диане

Луна, сияй же в девственном величье.
Лучись, дитя *Латоны* неземной.
В свету твоём вещей крупней обличье,
Суровость правды скрыта мягкой мгой.

Когда сверкаешь, город суетливый,
Что в блеске брата твоего убог,
Свой нрав меняет, и в тиши счастливой
Блится как виденье, чист и строг.

Мир новый, боль где скрыла благодать,
Где шум заводов, да в дыму аллеи,
Глядит в тебя, *Селена*, и опять
Мечтаем мы, как пастухи в *Халдее*.

Диана, внемли моему прошенью.
Туда неси, мое где счастье есть —
Наперекор волн времени теченью,
Покой души в былом дай мне обрести.

To the Old Pagan Religion

Olympian Gods! How can I let ye go
And pin my faith to this new *Christian* creed?
Can I resign the deities I know
For him who on a cross for man did bleed?

How in my weakness can my hopes depend
On one lone God, though mighty be his pow'r?
Why can *Jove's* host no more assistance lend,
To soothe my pains, and cheer my troubled hour?

Are there no Dryads on these wooded mounts
O'er which I oft in desolation roam?
Are there no Naiads in these crystal founts?
Nor Nereids upon the ocean foam?

Fast spreads the new; the older faith declines.
The name of *Christ* resounds upon the air.
But my wrack'd soul in solitude repines
And gives the Gods their last-receivèd pray'r.

Древней языческой религии

Олимпа Боги! Вас могу ль утратить
И пригвоздиться к вере во *Христа*?
Могу ль предать своих богов я ради
Терпевшего мучения креста?

И как же в слабости мне уповать
На Бога одного, пусть он велик?
Ужель мне не поможет *Зевса* рать
В страданиях моих и в грусти миг?

Неужто нет дриад в холмах лесистых,
Где часто я брожу совсем один?
И нет наяд в источниках сих чистых?
И nereid среди морских глубин?

Но никнет вера древности пред новой.
Христово имя воздух сотрясает.
Моя ж душа с расшатанной основой,
Богов в мольбе последней призывает.

On the Ruin of Rome

Low dost thou lie, O *Rome*, neath the foot of the *Teuton*
Slaves are thy men, and bent to the will of thy conqueror:
Whither hath gone, great city, the race
 that gave law to all nations,
Subdu'd the east and the west,
 and made them bow down to thy consuls.
Knew not defeat, but gave it to all who attack'd thee?

Dead! and replac'd by these wretches
 who cower in confusion
Dead! They who gave us this empire to guard and to live in
Rome, thou didst fall from thy pow'r
 with the proud race that made thee,
And we, base *Italians*, enjoy'd
 what we could not have builded.

To Pan

Seated in a woodland glen
By a shallow stream
Once I fell a-musing, when
I was lull'd into a dream.

From the brook a shape arose
Half a man and half a goat.
Hoofs it had instead of toes
And a beard adorn'd its throat.

On a set of rustic reeds
Sweetly play'd this hybrid man
Naught car'd I for earthly needs,
For I knew that this was *Pan*.

Nymphs and Satyrs gather'd round
To enjoy the lively sound.

All too soon I woke in pain
And return'd to haunts of men.
But in rural vales I'd fain
Live and hear *Pan's* pipes again.

К Пану

Раз в долине я лесной,
Ручеек где пробегал,
Наслаждался грез игрой
И тихонько задремал.

Воды разом отступили,
Человек-козел возник.
Вместо ног копыта были,
Бородой украшен лик.

На сиденье он простом
Сладко трели выводил,
Я забыл о всем земном —
Ибо знал, что *Пан* то был.

Вкруг сатиры, нимфы встали,
Песням радостно внимали.

Пробудясь от сказки сей,
Я вернулся в быт людей.
Лучше б жил я средь полей,
Внемля звукам *Пана* флейт.

On the Vanity of Human Ambition

Apollo, chasing Daphne, gain'd his prize
But lo! she turn'd to wood before his eyes.
More modern swains at golden prizes aim,
And ever strive some worldly thing to claim.
Yet 'tis the same as in *Apollo's* case,
For, once attain'd, the purest gold seems base.
All that men seek 's unworthy of the quest,
Yet seek they will, and never pause for rest.
True bliss, methinks, a man can only find
In virtuous life, & cultivated mind.

На тщетность человеческих стремлений

Гонялся *Аполлон* за *Дафной* зря:
Схватил – в руках лишь дерева кора.
И нынче метят пастушки на золото,
Им вещи суетной добиться надо.
Но *Аполлона* случай то как раз:
Сокровище добыв, в нем видят грязь.
Что люди ищут, поисков не стоит —
Однако их ничто не успокоит.
А истинное счастье, мнится мне,
В безгрешности и развитом уме.

[To His Mother on Thanksgiving]

Dear Mother: —

If, as you start toward Lillie's festive spread,
You find me snoring loudly in my bed,
Awake me not, for I would fain repose,
And thro' the day in quiet slumbers doze.
But lest I starve, for lack of food to eat,
Leave here a dish of Quaker Puffèd Wheat,
Or breakfast biscuit, which, it matters not,
To break my fast when out of bed I've got.
And if to supper you perchance should stay,
Thus to complete a glorious festive day,
Announce the fact to me by Telephone,
That whilst you eat, I may prepare my own.

[Матери на День благодарения]

Дорогая мама —
Когда на праздник к Лилли ты пойдешь,
Храпящим громко коль меня найдешь,
То не буди, покой так нужен мне,
Хочу проспать весь день во сладком сне.
Чтоб с голоду не умер я покуда,
Поставь мне здесь пшеничных хлопьев блюдо
Иль с завтрака осталось что печенье —
Чем пост прервать вслед сна, мне нет значенья.
А если ужинать там будешь вдруг,
Веселый так чтоб завершить досуг,
О сем по телефону извести —
Я приготовлю сам, пока ешь ты.

The End of the Jackson War

Indulgent sir, pray spare an inch or two,
And print the carping critics' joint adieu.
So long it is since we began the fray
That readers swear we've filched your Log away!
Forgive, we beg, the sinners that presume
To fill with venom'd verse such precious room.
Inflamed by war, and in a martial rage,
We held a while the centre of the stage
Till, blinded by each other's furious fire,
We battled on, forgetting to retire.
But fiercest feuds draw sometimes to their ends,
And ancient foemen live to meet as friends:
So do we now, conjoin'd in lasting peace,
Lay down our pens, and mutual slander cease.
What sound is this? 'Tis but a joyous yell
From thankful thousands, as we say farewell.

Конец джексоновской войны

О сэр, достанет дюйма для издания
От критиков совместного прощанья.
Давно свою мы ссору развязали,
Клянут уж нас, что ваш «Журнал» украли!
Простите, молим, наши все грехи —
В сокровищницу с ядом слать стихи.
Неистойвой захвачены борьбой,
Удерживали сцену за собой,
И яростным огнем ослеплены,
Забыв об отдыхе, сражались мы.
Стихает ярость распрей иногда,
Друзьями сходятся враги тогда:
Вот так и мы, мир прочный заключим,
Отложим перья, ругань прекратим.
Но что за шум? Звучит то ликованье
От тысяч благодарных за прощанье.

The Teuton's Battle-Song

*Omnis erat vulnus unda
Terra rubefacta calido
Frendebat gladius in loricas
Gladius fludebat clypeus...
Non retrocedat vir a viro
Hoc fuit viri fortis nobilitas diu...
Laetus cerevisiam cum Asis
In summa sede bibam
Vitae clapsae sunt horae
Ridens moriar.*

Regner Lodbrog

The mighty Woden laughs upon his throne,
And once more claims his children for his own.
The voice of Thor resounds again on high,
While arm'd Valkyries ride from out the sky:
The Gods of Asgard all their pow'rs release
To rouse the dullard from his dream of peace.
Awake! ye hypocrites, and deign to scan
The actions of your "brotherhood of Man".
Could your shrill pipings in the race impair
The warlike impulse put by Nature there?
Where now the gentle maxims of the school,
The cant of preachers, and the Golden Rule?
What feeble word or doctrine now can stay
The tribe whose fathers own'd Valhalla's sway?

Too long restrain'd, the bloody tempest breaks,
And Midgard 'neath the tread of warriors shakes.
On to thy death, Berserker bold! and try
In acts of Godlike bravery to die!
Who cares to find the heaven of the priest,
When only warriors can with Woden feast?
The flesh of Schrimnir, and the cup of mead,
Are but for him who falls in martial deed:
Yon luckless boor, that passive meets his end,
May never in Valhalla's court contend.
Slay, brothers, slay! and bathe in crimson gore;
Let Thor, triumphant, view the sport once more!
All other thoughts are fading in the mist,
But to attack, or if attack'd, resist.
List, great Alfadur, to the clash of steel;
How like a man does each brave swordsman feel!
The cries of pain, the roars of rampant rage,
In one vast symphony our ears engage.
Strike! Strike him down! whoever bars the way;
Let each kill many ere he die today!
Ride o'er the weak; accomplish what ye can;
The Gods are kindest to the strongest man!
Why should we fear? What greater joy than this?
Asgard alone could give us sweeter bliss!
My strength is waning; dimly can I see
The helmeted Valkyries close to me.
Ten more I slay! How strange the thought of fear,
With Woden's mounted messengers so near!
The darkness comes; I feel my spirit rise;

A kind Valkyrie bears me to the skies.
With conscience clear, I quit the earth below,
The boundless joys of Woden's halls to know.
The grove of Glasir soon shall I behold,
And on Valhalla's tablets be enroll'd:
There to remain, till Heindall's horn shall sound,
And Ragnarok enclose creation round;
And Bifrost break beneath bold Surtur's horde,
And Gods and men fall dead beneath the sword;
When sun shall die, and sea devour the land,
And stars descend, and naught but Chaos stand.
Then shall Alfadur make his realm anew,
And Gods and men with purer life indue.
In that blest country shall Abundance reign,
Nor shall one vice or woe of earth remain.
Then, not before, shall men their battles cease,
And live at last in universal peace.
Thro' cloudless heavens shall the eagle soar,
And happiness prevail for evermore.

Тевтонская боевая песнь

*Каждая рана потоком
Землю багрила теплым вином
Меч звенел о латы
Меч крошил щиты...
Воин с воином сошлись
Сей воин храбрый славен давно...
Радостный, брагу из земли Азийской,
Воссев на вершине, я выпью.
Жизни ускользают часы.
Смеющийся, умру.*

Регнер Лодброк

На троне в смехе Вотан-вседержитель
Сзывает отпрысков к себе в обитель.
Раскаты Тора вновь в выси гремят,
Валькирии с оружием летят:
Все силы грозных Асгарда богов
Тупиц пробудят от их мирных снов.
Проснитесь и извольте же, ханжи,
Узреть дела об «общем братстве» лжи.
Мог заглушить ли в расе визг ваш чванный
Воинственный порыв, Природой данный?
Где ж добренькие максимы для школ
И Золотое Правило от зол?
Каким призывом жалким вы б сдержали
То племя, чьих отцов в Вальхаллу брали?

Сгущается кровавой бури мрак,
И Мидгард сотрясает марша шаг.
Себя ты смертью, берсерк, обагри!
В божественном бесстрашии умри!
Кого заботят небеса святош,
Коль воин лишь на Вотана пир вхож?
И плоть Сэхримнира, и чаша меда
Для бьющихся до смертного исхода:
Трусливой смерти снесшему позор
Вовеки не вступить в Вальхаллы двор.
Несите ж смерть! Омоем пусть вас кровь,
Ликуя, Тор узрит охоту вновь!
Одна лишь мысль ясна – атаковать,
Коль атакован – так не отступать.
Услышь, Альфедр, удары с бойни,
Как чувствует себя мужчиной воин!
Рев ярости свирепой, боли глас
Сливаются в симфонию для нас.
Рази! – кто не вставал бы на дороге;
Пред смертью пусть зарежет каждый многих!
Над слабым будь; что можешь, то исполни —
К сильнейшим Боги только благосклонны!
Бояться? С чем такой восторг сравним?
Нас осчастливить Асгард мог один!
Но тают силы, смутно вижу я,
Валькирии уж около меня.
Убил еще десяток! Чужд мне страх —
Совсем ведь рядом девы на конях!
Вот пала тьма, и дух оставил тело,

Валькирия со мною ввысь взлетела.
Чист совестью, я покидаю мир,
Узнать чтоб Вотана веселый пир.
Увижу вскоре рощи Гласир чудо
И занесен в Вальхаллы списки буду:
Там ждать, когда задует Хеймдалль в рог,
Замкнет кольцо творенья Рагнарёк,
Биврест разрушит Суртура орда,
Богов, людей пожнет меча страда,
Исчезнет солнце, море сушь сожрет,
Погаснут звезды, Хаос снизойдет.
Затем Альфедр создаст свой мир по новой,
Богов, людей с чистейшею основой.
Придет страна блаженная Обилья,
Не будет в ней пороков и насилья.
Оставят люди лишь тогда сраженья,
Покой охватит грани все творенья.
А в ясном небе воспарит орел,
И счастье навсегда займет престол.

On Receiving a Picture of Swans

With pensive grace the melancholy Swan
Mourns o'er the tomb of luckless Phaëton;
On grassy banks the weeping poplars wave,
And guard with tender care the wat'ry grave.
Would that I might, should I too proudly claim
An Heav'nly parent, or a Godlike fame,
When flown too high, and dash'd to depths below,
Receive such tribute as a Cygnus' woe!
The faithful bird, that dumbly floats along,
Sighs all the deeper for his want of song.

На получение открытки с лебедями

Печальный Лебедь с грацией унылой
Скорбит над фаэтоновой могилой;
В слезах качают тополя листвою,
Могилы водной берегут покой.
Я б мог, воздать просил бы величаво
Небесным родом или божьей славой,
Когда, поднявшись ввысь и пав в глубины,
Обрел в награду б плач лишь лебединый!
А верный лебедь молча проплывает,
В тоске по песне глубже все вздыхает.

Temperance Song

[Tune: “The Bonnie Blue Flag”]

1. We are a band of brothers
Who fight the demon Rum,
With all our strength until at length
A better time shall come.

(Chorus)

Hurrah! Hurrah! for Temperance, Hurrah!
‘Tis sweet to think that deadly drink
Some day no more shall mar!

2. We’ll drive from off our table,
We’ll drive from out our gate
The gross offence that clouds our sense,
And leads to dismal Fate.

3. We’ll stop the bloated brewer,
We’ll close the foul saloon,
We’ll teach the land to understand
How mighty is our boon.

4. If aught our progress hinder,
Or check our upward course,
We’ll scorn the hand that threatens our stand

And strive with double force.

5. And when at last we triumph;
When whiskey fades from view;
The drunkard slave no more shall crave,
But join our legions, too!

Песнь трезвости

На мелодию «Прекрасного Синего Флага»

1. Отряд мы братьев стойкий,

1. Мы бьемся с Ромом злым

1. И в силу всю идем ко дню,

1. Настанет что благим.

Припев:

Ура! Ура! И Трезвости ура!

Я верить рад, что спирта яд

Уйдет с пути добра!

2. Мы скинем со стола,

1. Изгоним за порог

1. Греха тот вид, что ум мутит

1. И жизни косит срок.

3. Закроем пивоварни

1. И каждый мерзкий бар,

1. Поймут тогда, и навсегда,

1. Огромен как наш дар.

4. Мешать нам вдруг что будет,

1. Иль сдержит наш подъем,

1. Презрим мы то, грозит нам что,

1. И снова в бой пойдём.

5. Когда ж придёт победа,

1. И сгинет виски вон,

1. Пропойца-раб не будет слаб,

1. В наш вступит легион!

The Poe-et's Nightmare

A Fable

Luxus tumultus semper causa est.

Lucullus Languish, student of the skies,
And connoisseur of rarebits and mince pies,
A bard by choice, a grocer's clerk by trade,
(Grown pessimist through honours long delay'd)
A secret yearning bore, that he might shine
In breathing numbers, and in song divine.
Each day his fountain pen was wont to drop
An ode or dirge or two about the shop,
Yet naught could strike the chord within his heart
That throb'd for poesy, and cry'd for art.
Each eve he sought his bashful Muse to wake
With overdoses of ice cream and cake,
But though th' ambitious youth a dreamer grew,
Th' Aonian Nymph delcin'd to come to view.
Sometimes at dusk he scour'd the heav'ns afar
Searching for raptures in the evening star;
One night he strove to catch a tale untold
In crystal deeps – but only caught a cold.
So pin'd Lucullus with his lofty woe,

Till one drear day he bought a set of Poe:
Charm'd with the cheerful horrors there display'd,
He vow'd with gloom to woo the Heav'nly Maid.
Of Auber's Tarn and Yaanek's slope he dreams,
And weaves an hundred Ravens in his schemes.
Not far from our young hero's peaceful home,
Lies the fair grove wherein he loves to roam.
Tho' but a stunted copse in vacant lot,
He dubs it Tempe, and adores the spot;
When shallow puddles dot the wooded plain,
And brim o'er muddy banks with muddy rain,
He calls them limpid lakes or poison pools,
(Depending on which bard his fancy rules).
'Tis here he comes with Heliconian fire
On Sundays when he smites the Attic lyre;
And here one afternoon he brought his gloom,
Resolv'd to chant a poet's lay of doom.
Roget's Thesaurus, and a book of rhymes,
Provide the rungs whereon his spirit climbs:
With this grave retinue he trod the grove
And pray'd the Fauns he might a Poe-et prove.
But sad to tell, ere Pegasus flew high,
The not unrelish'd supper hour drew nigh;
Our tuneful swain th' imperious call attends,
And soon above the groaning table bends.
Though it were too prosaic to relate
Th' exact particulars of what he ate,
(Such long-drawn lists the hasty reader skips,
Like Homer's well-known catalogue of ships)

This much we swear: that as adjournment near'd,
A monstrous lot of cake had disappear'd!
Soon to his chamber the young bard repairs,
And courts soft Somnus with sweet Lydian airs;
Thro' open casement scans the star-strown deep,
And 'neath Orion's beams sinks off to sleep.
Now start from airy dell the elfin train
That dance each midnight o'er the sleeping plain,
To bless the just, or cast a warning spell
On those who dine not wisely, but too well.
First Deacon Smith they plague, whose nasal glow
Comes from what Holmes hath call'd "Elixir Pro";
Group'd round the couch his visage they deride,
Whilst through his dreams unnumber'd serpents glide.
Next troop the little folk into the room
Where snore our young Endymion, swath'd in gloom:
A smile lights up his boyish face, whilst he
Dreams of the moon – or what he ate at tea.
The chieftain elf th' unconscious youth surveys,
And on his form a strange enchantment lays:
Those lips, that lately trill'd with frosted cake,
Uneasy sounds in slumbrous fashion make;
At length their owner's fancies they rehearse,
And lisp this awesome Poe-em in blank verse:

Небылица

Чрезмерность враг покоя неизменно.

Лукулл, что Лэнгвиш, астроном-любитель
Гренков и сладких пирожков ценитель,
Душою бард, занятем – продавец,
(Унынья полон: славы где ж венец?)
Желанье тайное имел: блистать
Живым стихом и песнею вещать.
Перо ж строчило ежедневно с ходу
О лавке панихиду или оду:
Увы, не наполнилось высоким чувством
Поэта сердце, билось что искусством.
Взывал он к музе робкой вечерами
Пирожными и прочими сладостями,
Хоть из подростка вырос фантазер,
Не тешил образ аониды взор.
На небо он смотрел в закатный час,
В звезде вечерней чтоб обрести экстаз;
Раз ночью взялся ухватить гимн чуду
В глуби кристальной – подхватил простуду.
Тужил Лукулл от горя своего,
Пока однажды не купил книг По:
Пленившись ужасами на страницах,
Поклялся хмуро, что придет девица.
Зрит в грезах Йанек, озеро Обера,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.